

ВОСЕМЬ вредных подружек

сказка

Надежда **ВАСИЛЬЕВА**

г. Петрозаводск

Сима, как всегда, показывала характер. Ребята из её группы весело играли, их дружный смех разносился по детсадовской площадке, а она «в гордом одиночестве», как однажды выразился её папа, сидела в беседке — обиженная на весь свет, надутая и напряжённая.

— Симка, ну чего ты опять?! Иди играть! — донёсся до неё звонкий голос Лёньки Крылова.

Но Сима и ухом не повела. Пусть кричит. Не будет она водить, сказала ведь. Так чего Лёнька орёт? И тяжело вздохнула.

«Симка» — имя какое-то дурацкое. Придумали же родители... Это и не имя вовсе, а такая маленькая штучка в мобильном телефоне. Бабушка, правда, говорит, что полное её имя Серафима. Но ведь Серафимой её в группе никто не зовёт. «Симка» — да и всё тут!

Неожиданно хмурый взгляд её ожил, и она с интересом стала наблюдать за листьями. Они изредка залетали внутрь беседки сквозь узорчатые рейки решёток, которые скрывали Симу от любопытных сверстников. Кленовые листья, кружась, плавно опускались на песчаный пол беседки, выстилая его ярким жёлто-красным ковром. Они были такие красивые, резные и очень напоминали ладони людей. Сима спрыгнула со скамейки, подняла самый большой лист, приложила его к своей руке. Ничего себе! Какая же у неё ладошка маленькая, даже если пальцы растопырить!

— Симка! Мы ждём тебя! Давай иди! — мальчишки махали ей руками.

В ответ она покрутила пальцем у виска, мол, нашли дурочку.

Ребята играли в прятки, вернее — в «двенадцать палочек». Об этой игре как-то рассказала Симе мама. Они тоже так в детстве играли. На круглый чурбачок кладётся доска. На тот край доски, что касается земли,

раскладываются двенадцать палочек. Кто-то из ребят изо всех сил бьёт ногой по другому краю. Палочки разлетаются в разные стороны. Пока водящий собирает их всех в кучку, детвора прячется, после чего он начинает искать ребят. Заметив кого-нибудь из играющих, водящий должен назвать его по имени, крикнуть: «Чур не я!» А потом со всех ног, наперегонки с обнаруженным игроком, оба бегут к доске. Один из них, самый быстрый, ударом ноги по доске вновь разбросает палочки, так что водить станет тот, кто не успел добежать первым. Занятно!

Это она, Сима, об этой игре воспитательнице рассказала. А та предложила ей быть водящей. Её задело. Ещё чего?! Демонстративно отвернувшись от Антонины Петровны, Сима пошла в сторону беседки. Так и повелось: ребята — играть, а она — в беседку. Садилась на холодную скамейку и замирала наедине со своими тяжёлыми мыслями. Даже ногами не болтала и совсем не знала, чем себя занять.

Вот и сегодня от нечего делать Сима стала щёлкать семечки. Шелуха от них разлеталась по сторонам и мусором ложилась возле ног. Антонина Петровна, конечно, опять будет ругаться. Принести в детский сад семечки не разрешалось. Но Сима, как говорит мама, упрямыца ещё та. Ну и что? Мама про неё много чего и другого говорит. Что характер у неё эгоистичный и потому ребята не хотят с ней дружить. Не хотят?! Ну и пусть!

Зато у Симы есть восемь взрослых подружек. Про них ей бабушка сказку сочинила. И даже имена им придумала, нелестные, правда... Упрямяка, Жадина, Трусиха, Завидка, Вруша, Хвастуша, Лентяйка и Ябеда. А всё, что рассказывает бабушка, представляется так отчётливо и зримо, как наяву. Вот и подружки эти... Никто их не видит: ни родители, ни воспитательница, ни ребята, ни даже сама бабушка. А Сима видит и даже разговаривает с ними. Вот вчера, например, обнаружила в кармане куртки две конфетки... Папа, наверное, незаметно от мамы их туда положил: он всегда дочку балует. Так вот Сима развернула конфету, а обёртки на пол кинула. Антонина Петровна, заглянув в беседку, велела ей подобрать фантики и выбросить в урну для мусора. Вот ещё!.. У Симы даже губы скривились. Носком туфли стала откидывать фантики ещё дальше. Воспитатель-

ница на это только головой укоризненно покачала и пошла к ребятам.

Стоило ей отойти, как рядом на скамейку присела одна из Симиных взрослых подружек — Упрямяка. И сразу поддакивать давай: «Не вздумай убирать. Ещё чего! На это дворник есть. Ему за это деньги платят. Ишь, пришла, раскомандовалась!»

Вот даёт! Это она про воспитательницу Антонину Петровну!

«Ты, Симочка, её не слушай, — продолжает Упрямяка. — Мусори, если нравится. Делай что хочется, всем назло!»

Покосилась Сима на Упрямяку. Фу, какая некрасивая! Губы надуты, смотрит исподлобья. В каком-то сером балахоне. И голос неприятный, скрипучий, уши режет. Да и советы её... тоже! Вчера вон мама позвала их с папой ужинать, а Сима: «Не буду! Дай мультик досмотреть!..» Мама только плечами пожала: «Ну как знаешь! Было бы предложено...» Когда мультики закончились, вдруг так есть захотелось, а мама уже посуду помыла и к холодильнику не подпустила. Она такая... Долго упрашивать не будет. Папа как-то про неё сказал: «Нашей бы маме не в больнице, а в органах работать. Что скажет — как отрубит. У неё не забалуешь». Это точно! Пришлось Симе голодной спать лечь. Кому хуже сделала?!

В беседке под уже болтающимися ногами Симы мусора от семечек становилось всё больше. Неряшливая картинка вырисовывалась. Ну и что?! Подумаешь! И сразу вспомнилась бабулина любимая поговорка: «Подумаешь-подумаешь, да ничего не скажешь». У бабушки Веры прибаутки и поговорки как из рога изобилия сыплются, только успевай запоминать.

А поиграть с ребятами Симе всё же хотелось. Вон как им весело! Громче всех всегда ржёт Лёнька Крылов, самый рослый и красивый в их группе. Но даже он с Симой никогда на ссору не заводится: побаивается. Она ведь всего на два пальца ниже его. Зато плечи у Симы шире. И ноги-руки толще. Потому что аппетит хороший. Всегда добавки просит. Но Симины мама строго-настрога велела воспитательнице никаких добавок дочке не давать. Мама — детский врач. Кто с врачом спорить будет?

Так вот про Лёньку... Если бы Сима боролась с Лёнькой схватилась, то запросто бы под

себя подмяла. Тут Крылов, будто прочитав её мысли, в беседку забежал.

— Ты, Симка, опять тут одна сидишь? Мы знаем в какую интересную игру играем!..

А Упрямка ей в ухо шепчет: «Не слушай его! Ну их!» Балахоном своим трясёт, Лёньку отогнать пытается. Только он её, конечно, не видит. Зато сразу заметил шелуху на песке и давай выпрашивать:

— Симка, дай семечек немножко!

Пока она раздумывала, вторая подружка, Жадина, прискакала. С другой стороны к Симе на скамейку подседа, на Лёньку с такой неприязнью смотрит. Даже лицо у Жадины от злости перекопилось: «Ещё чего! Семечек он, видите ли, захотел! У тебя самой мало. Пусть на рынке купит. Терпеть не могу тех, кто кланчит!»

А у Симы от семечек на кончике языка уж и прыщик вскочил — говорить больно. Пусть бы Лёнька лузгал! Жалко, что ли? И только полезла Сима за семечками, как Жадина опередила её, руку к карману прижала: «Ты что?! С ума сошла?! Не давай! Слышишь? Не приучай попрошайничать!»

Покосилась Сима на Жадину. У той глаза будто красные фонарики горят. Лёнька, конечно, этого не видит. На неё, Симку, непонимающе смотрит.

— Тебе что, семечек жалко?

Я тебе в обед свой компот отдам. Хочешь?

Жадина губы поджала, в бок её легонько подталкивает и шипит: «Не соглашайся! Компот у всех будет, а семечки только у тебя одной».

Пока Сима своих подружек слушала, Лёнька махнул на неё рукой и убежал.

Тут откуда ни возьмись ещё и Трусиха подкралась. В каком-то зелёном комбинезоне. Хотела тоже на скамейку присесть, да вдруг как отпрыгнет, как заорёт: «О-о-й! Что это?! Страх-то какой!» Побледнела Трусиха, глаза от испуга вытаращила, губы дрожат. У Симы даже холодок по спине пробежал, будто за шиворот ей ледяной воды плеснули, ноги затряслись, головой вертит, ничего не понимает. А подружек как ветром сду-

ло. Тут вдруг из-под скамейки лягушонок выскочил. Маленький такой. Нашли кого пугаться! Лягушат, что ли, не видели? Даже смешно.

В это время воспитательница всех в столовую позвала, на обед. Есть, конечно, хотелось. Сима спрыгнула со скамейки и побежала в групповую.

За столом с ней Ленка, Толик и Сашка сидят. У Ленки сегодня день рождения. Её утром при всех ребятах воспитательница поздравляла. И даже подарила ей коробку с фломастерами. Ребята хлопали.

А за Симиной спиной Завидка как из-под земли выросла. В чёрном бархатном платье, как на концерт вырядилась. Давай ей в ухо нашёптывать: «Ты смотри, сколько этой Ленке почестей! Принцесса, да и только! И в каком платье нарядном! С воланами да кружевами! Ещё и бант в волосах! Самой красивой в группе хочет быть! Смотри, Симка, смотри! Все мальчишки ею любят. Ты ведь, Симочка, в сто раз лучше её, а на тебя внимания не обращают. И платья у тебя такого нет. Это ж несправедливо!»

Сима поджала губы: а ведь Завидка права. Искоса проследила за взглядами мальчишек. Точно! С Ленки глаз не сводят. И бант её капроновый, и платье разглядывают.

А Завидка Симе уже в другое ухо дует: «Возьми да на платье ей супом брызни. Чтоб не задавалась!..»

У Симы глаза, как у Завидки, разом потемнели. Ка-

верзный план в голове быстро созрел.

— Ленка! А у тебя муха в тарелке!

И своей ложкой Сима плеснула супом Ленке на платье, будто муху из соседней тарелки вытаскивала. Ленка — в слёзы. Губы скривились так смешно. Вот пусть теперь на неё такую мальчишки любят! И платье всё испачкано. Фу-у-у!

А Завидка за Симиной спиной от радости в ладоши хлопает: «Так ей и надо! Так ей и надо!»

Тут воспитательница к Ленке подошла.

— Ты чего, Алёнушка, плачешь? Кто обидел? Ой! А что это у тебя с платьем? Супом облила?

Сашка с Толиком почти хором:

— Это не она! Это Симка её так!

У Антонины Петровны голос стал таким, будто в трубу говорит, — низким и строгим:

— Зачем ты, Сима, это сделала?

А из-за спины Вруша угодливо подсказывает: «Не вздумай признаться! Говори, что нечаянно!» — и даже от удовольствия пальцами прищёлкивать стала.

Но сказать «нечаянно» у Симы язык не поворачивался. Сколько раз уж мама твердила: «Не смей говорить неправду! Будут ребята врушей дразнить».

Вруша, мысли эти прочитав, фыркнула: «Подумаешь! А я считаю, что у меня необычное и очень красивое имя!» — и гордо так на одной ноге закружилась, любуясь воланами своей лёгкой жёлтой юбки.

Воспитательница пытливо смотрела в лицо Симы:

— Наверно, ты это нечаянно сделала?

Пришлось кивнуть. А Вруша сразу Симу в щёку — чмок и по затылку погладила. А та головой мотнула: мол, отцепись.

Тут Толик с Сашкой наперебой кричать стали:

— Ей показалось, что у Ленки муха в тарелке!

— Но мы никакой мухи не видели!

Симины уши от стыда вспыхнули огнём. Хорошо ещё, что их не видно, — волосы закрывают. Сима опустила глаза. И сразу аппетит пропал. Даже компот пить не стала. Из-за стола вышла. А Вруша тут как тут! Вокруг Симы забегала: «Ты никак застыдилась? Вот глупая! Меня, например, моё враньё везде выручает. Да мне без вранья и дня не прожить».

Ну уж это слишком! Нашла, чем хвастаться! Сама-то хоть верит в это? Вон глаза-то как бегают из стороны в сторону. И улыбка у Вруши до того притворная! Ещё подружкой назвалась!.. Не сдержавшись, Сима замахнулась на неё: отойди! И та попятилась.

А у Симы мысли в голове чуть не драку устроили. Одни кричат: «Зачем ты Завидку слушаешь?! Зачем Ленке в день рождения такую пакость сделала?! Неужели не стыдно?!» Другие, отступая, оправдываются: «А вам-то что?! Всегда эта Ленка лучше всех хочет быть! Вот и получила по заслугам!» И всё же долго ещё Сима глаз на ребят не могла поднять, пришлось сделать вид, будто чем-то заинтересовали её собственные тапки. Одно успокаивало: хоть и вредные эти подружки,

но её, Симу, как ни странно, слушаются. Даже слов никаких произносить не надо. Бывает, одного взгляда хватает — всё сразу понимают. И исчезают так же быстро, как появляются.

А в «тихий час», когда воспитательница ушла пить чай, Ленка стала рассказывать ребятам, что ей родители подарили на день рождения настоящий планшет. И что старший брат Вовка, который учится уже в пятом классе, будет её учить, как планшетом пользоваться.

— Подумаешь, планшет! — тут же села Сима на постели. — Чем удивить захотела! У меня он давно есть. Уж сколько раз «сэлфи» делала!

Не успела она договорить, а Хвастуша как из-под земли выросла, в ногах на Симиной постели разлеглась. «Ты не забудь рассказать ребятам о том, что папа твой яхтой управлять умеет и обещал этим летом научить тебя паруса поднимать. А ещё расскажи, Сима, что тётя Люся, мамина сестра, в суде работает — любого может в тюрьму посадить. И про то, что у дедушки, который в Белоруссии живёт, медалей всяких полно, сказать не забудь!»

У Симы даже дух захватило. А ведь правда! Успеть бы обо всём этом ребятам рассказать, пока Антонина Петровна не пришла. Сима ноги с постели свесила и начала тараторить без умолку.

Хвастуша от удовольствия так и задёргалась: то так сядет, то этак. Нос кверху задрала, только две дырочки торчат. И гордо так на ребят поглядывает, мол, что, съели?! Только им-то всё равно. Они ж ни саму Хвастушу, ни её вычурного красного сарафана не видят. Ребята на неё, Симу, вытарацились!

Ленка сразу замолчала, укрылась одеялом чуть ли не с головой. Мальчишки тоже переглядываться стали: ухмыляются, какие-то знаки исподтишка делают. А Данилка, Симин сосед по лестничной площадке, такую гримасу соорил: глаза закатил, губы вытянул.

У Симы от обидных слёз в глазах зашипало, как обычно случается, когда мама лук чистит. А Хвастуша знай подначивает: «Расскажи ещё, что летом вы всей семьёй за границу полетите, на острова в Индийском океане! А обратно — через океан на катамаране!»

Чего Хвастуша болтает?! Ведь это ещё не точно. Только если папе отпуск летом дадут. К тому же Симу родители в плаванье брать и не

собирались. К бабушке в деревню на всё лето отправят, это факт. От стыда Сима голову в плечи вжала, съёжилась вся. Но Хвастушу не унять: «Что замолчала? Странная ты какая-то! Возьмут они тебя с собой, не возьмут – кто потом разбираться будет? А у тебя, вон, понты какие! Все бы от зависти лопнули!»

Тут в спальню вошла воспитательница. Хвастуша шустро сползла на пол, юркнула под раскладушку. Чего испугалась? Будто Антонина Петровна её видит.

Ребята все как по команде стали постели собирать. А у Симы от бахвальства своего руки опустились. Так неохота ничего делать.

Лентяйка тут как тут. Зевая во весь рот, за плечи обняла. А ведь зевота ещё та зараза. Так и знала! У Симы и самой теперь от зевоты рот рвётся. Лентяйка знай гундосит: «Ой, ничего делать не хочется! Неужели ты, Симочка, будешь постель убирать?!» Взглянув на неё, Сима поморщилась. Пижама у Лентяйки замызганная, непонятного цвета.

И такой же дурацкий чепчик на голове. Как ей не стыдно в таком виде на люди показываться?! Хотя никто ж её не видит.

Антонина Петровна совсем близко мимо Лентяйки прошла и не заметила, а саму Симу по волосам потрепала:

– Ты что, не выспалась? Смотри, все ребята уже свои постели убрали, одна твоя осталась...

– Неохо-о-та, – продолжая зевать, заныла Сима.

А Лентяйка её за руку в сторону тащит, приговаривая: «Пусть воспитательница сама уберёт. Ты ведь ещё маленькая». Говорит Лентяйка, а у самой глаза почти закрываются и ноги заплетаются. Ну и вид! Неужели и она, Сима, такой же варёной макарониной выглядит?

Вдохнула Антонина Петровна, сворачивая её постель:

– Сима-Сима... Ленъ-матушка вперёд тебя родилась! Знай, вредная это подружка.

Сон пропал. Лицо Симы испуганно вытянулось. Откуда воспитательница про этих её подру-

жек узнала?! Покрутила головой. Да вон же они в углу возле раскладушек стоят, кривляясь, воспитательницу передразнивают, подтрунивают. Но Антонина Петровна в их сторону не смотрит. Не видит всё-таки, иначе бы прогнала. И, успокоившись, Сима облегчённо выдохнула скопившийся в груди воздух. А назойливая мысль опять кольнула: надо ли их слушать, подружек этих?

– Пойдём, Сима, в столовую, – обняла её за плечи Антонина Петровна. – Сегодня на полдник твоё любимое фруктовое желе. И советую тебе ребят не сторониться. После полдника на занятия пойдём. Ведь вам на следующий год в школу. Значит, серьёзно готовиться нужно.

Подавая руку воспитательнице, Сима обернулась на своих подружек, показала им язык. Лица у Хвастуши и Лентяйки сразу перекошились. Зато у самой Симы рот растянулся до самых ушей: так им и надо!

Когда Сима за стол села, Ленка уже своё желе съела и теперь на неё поглядывала. Понятное дело: не прочь добавки получить. Вот только добавка на десерт не положена.

Всем бы сразу захотелось. И тут вдруг на Симу что-то нашло. Взя-

ла да и протянула Ленке свою вазочку с желе.

– На, Лена! Сегодня ведь твой день рождения. А ты любишь желе, правда?

– Правда! – кивнула та, удивляясь неожиданной Симиной добротой.

Жадина, Завидка и Вруша, сидевшие в углу комнаты на диванчике, чуть в обморок не упали, задёргались, как припадочные. Умора прямо! А Хвастуша как с цепи сорвалась. Подскочила к Симе, шепчет – того и гляди ухо отгрызёт: «Ах, какая ты молодец! Не забудь об этом хорошем поступке дома рассказать!»

– Отстань! – Сима отмахнулась от неё, как от надоевшей мухи.

Хвастуша губы надула, но отошла.

Тут колокольчик зазвенел. Это Антонина Петровна так ребят на занятия звала. Сашка с Толиком друг друга ладошками стукнули. Звонко так. И Сима свою ладонь раскрыла, высоко над головой подняла. Ленка сделала то же самое. Мальчишки поняли. Обменялись радостными хлопками и с ними. Убегая в групповую, по привычке оглянулась. Но вредных её подружек уже и след простыл.

А вечером дома Симу снова прорвало. Язык разболтался так, что его, противного, хоть ку-сай или вилкой коли. И вредная подружка Ябеда сразу, как бабуля говорит, «присоседилась». То с одной стороны забежит, то с другой... Желчно так подсказывает: «Ты про Ленку расскажи, как она, растяпа, компот по столу разлила. И про Толика не забудь — как он на прогулке в лужу шлёпнулся... А ещё про Лёньку — как он воспитательницу передразнивал. Вспомни, сколько смеху было! Антонина Петровна, наверно, не поняв, в чём дело, вместе со всеми хохотала. И про Ваську, который тебя клушей обозвал...» Яркая кофта Ябеды то тут мелькнёт, то там. Цыкнула Сима на неё, мол, не учи, сама знаю! Что, у меня голова дырявая, своей памяти нет? Ябеда сразу замолчала, щёку прикусила, на неё такими недобрыми глазами смотрит. Пришлось ногой топнуть:

— Убирайся! Слушать тебя не хочу!

Та быстро испарилась, будто привиделась. И даже кофту свою оранжевую на пол бросила. Подняв кофту Ябеды, Сима удивлённо захлопала ресницами. В руках оказалась совсем не кофта, а оранжевый плюшевый лисёнок. Отнесла его Сима в игровой уголок, усадила рядом с медведем. Пусть болтают.

И хоть разогнала своих вредных подружек, но легче на душе от этого не стало, ведь завтра они снова появятся.

Когда мама укладывала её спать, у Симы вдруг задрожали губы. Так себя жалко стало. Плакала тихо, лица не морща. Слезы одна за другой медленно стекали на воротник мягкой фланелевой пижамы. И чего эти взрослые подружки к ней привязались?!

— Что случилось? — встревожилась мама, ласково погладив дочку по волосам. — Расскажи, девочка моя. Может, чем помогу?

Тут уж слёзы хлынули из глаз Симы. Мама нежно прижала её к себе:

— Ну, всё, всё, успокойся, солнышко моё!

Обхватив маму руками, Сима прислонилась щекой к её мягкой груди. И так ей стало тепло и спокойно, таким добром от мамы повеяло. Недаром её все соседи любят не только в их подъезде, но и во всём доме. Всегда с мамой здороваются, приветливо улыбаются, совета спрашивают. И она всем помогает. Даже среди ночи, бывает, из дома убегает.

Папа, конечно, за это на неё ворчит, мол, скорая помощь есть. К каждому ведь не набегаешься. На что мама возражает: «На скорой педиатра нет, тем более ночью. Мало ли что за ночь с ребёнком случиться может? К тому же люди верят мне, понимаешь? Нельзя врачу человека в беде оставить. Ты ведь тоже вон хулиганов разгонял, когда они одного парня впятером били. А мог бы рассуждать так: «Я устал. Со смены иду. Пусть прохожие в полицию звонят, дежурный наряд вызывают». На это папа только руками развёл: «Логика у тебя железная!»

А что тут ещё скажешь? Мама права. Как-то раз папа Симу из детсада забирал. Зимой дело было, уже темнеть начинало. Во дворе их дома большие мальчишки у чьей-то машины колёса прокололи. Папа Симу оставил у соседки, что на первом этаже живёт, а сам за хулиганами погнался. Одного поймал и полицейскую машину вызвал, чтобы тот хулиган про приятелей своих рассказал. Папа очень смелый. И не только полицейский он, но и яхтсмен ещё. Отпуск они с мамой, и правда, на яхтах проводят. Симу с собой не берут. Начнёт она проситься, у них сразу сто разных отговорок: «Вот когда в школу пойдёшь...», «Вот когда плавать научишься...», «Вот когда слушаться будешь...» И к бабушке в деревню на всё лето дочку отвозят.

Бабулю Сима, конечно, очень любит. И в её объятьях сразу успокаивается, про маму с папой забывает. С бабулей очень легко. Никогда от неё не услышишь: «Нельзя!», «Не смей!», «Не трогай», «Не ходи туда!» Бабушка раньше поваром была. А теперь просто бабушка. У неё на всякий случай в запасе сказка находится. Вот, к примеру, начнёт замешивать тесто на пироги. Сима тут как тут, давай немытыми руками из теста шарики ка-

тать. Бабуля хитро так на неё посмотрит и сказку начнёт рассказывать: «Жила-была неряшливая девочка Маша. Ногти на руках у неё были такие длинные и грязные, что под ними прятались личинки червяков. Стала девочка бабушке помогать такими вот руками тесто на пироги замешивать. Все личинки из-под ногтей в тесто и перекочевали, внутрь пирогов попрятались. И когда бабушка Машины пироги в духовку поставила, личинки в тепле в червяков превратились. А Маша ещё и торопыгой была. Не могла дождаться, когда пироги испекутся. Из духовки их раньше времени вынула, прямо горячими да недопёкшимися в рот запихала. И все черви к ней в желудок перекочевали. Стала девочка худеть не по дням, а по часам. Что ни съест — только червяков накормит. Те знай себе толстеют да размножаются. Живот у Маши вырос большой-пребольшой, а руки-ноги стали тонкими да слабыми. Играть ей не хочется. На еду смотреть не может. По ночам сны страшные сниться стали. И только черви в животе резвятся да бурчат. Мама девочку к врачу повела. Тот горькое лекарство выписал. Слава богу, вытравили тварей, а то не знаю, чем бы всё и закончилось...» При этом бабушка вздохнёт так тяжело, будто не с девочкой Машей, а с ней самой это в детстве приключилось. Ну как тут после этого Симе не вспомнить, что тоже руки не вымыла, а перед этим и с Бобиком играла, и кошку Мусю гладила. Схватив мучные шарики, выбросила Сима их в мусорное ведро да сама к умывальнику бежать, руки с мылом намывять. А потом ещё попросила бабулю ей ногти подстричь коротко-коротко. Берёт бабушка ножницы да приговаривает: «Умница ты моя! Всё-то правильно понимаешь». И что самое странное — вредные подружки в деревне редко когда появляются. Почему?

Как-то спросила Сима бабушку:

— Бабуль, откуда ты столько мудрых сказок знаешь?

Та не задумываясь ответила:

— Так от мамы перешло, от прабабушки твоей. Она такая добрая была, что отец наш её не Дуней, а Добрыней звал. Нас, девчонок, в семье много было, девять человек, и все разного возраста. Сколько нужно было матери нам платьев нашить! Ночами на машинке строчила. И никогда нас — царствие ей небесное! — не била, не ругала. Хоть было за что. Помню, как-то, к

празднику готовясь, платья свои настирали, во дворе сушиться развесили. А утром ахнули: на верёвке одни прищепки висеть остались. Мы, девчонки, конечно, в слёзы. А мама нам, младшеньким, носы утирая, приговаривает: «Не такое переживали. И это переживём. Видать, людям этим, нечистым на руку, хуже нашего живётся... Прости их, Господи!» Вот такая она была. Или вот ещё какой случай помню... Сестра моя старшая — ей уж двадцать лет в ту пору было — в больницу попала. Мама пошла её навеситить, меня с собой взяла. Не оставишь на весь день одну дома, четырёхлетнюю. Велела мне надеть сандалии. А я заупрямилась, босиком бежать хотелось. Мама только головой покачала: «Ну, ладно, смотри сама!» До больницы далеко было. Я все ноги истоптала да об камни поранила. Пока туда шли — ещё ничего, а на обратном пути уселась на пригорок и давай реветь: «Не могу идти дальше! Возьми на руки!» Мама рядом на травке устроилась, по голове меня ласково так гладит: «Не могу я тебя на руках нести, сердце у меня больное. Говорила ведь тебе, что сандалии нужно надеть... А ты что? Упрямылась. Теперь делать-то что будем? Мне домой позарез нужно: ужин варить, скотину обрывать, на работу папе в ночную смену помочь собраться. Посиди здесь, меня подожди. Как управлюсь с делами, приду за тобой, поесть принесу. Только это поздно будет». «Ночью, что ли?!» — испуганно вырвалось у меня. Она кивнула. Тут я на ноги — скок! За руку её схватила: «Пойдём, мам! Не хочу здесь одна оставаться!» Умела мама наша любого спокойным словом убедить.

Пока Сима бабулю вспоминала, слёзы высохли. А что, если маме про этих подружек рассказать? И заглянула в мамины добрые глаза:

— Мамочка! Как мне подружки эти надоели! Не хочу их больше видеть! Не хочу с ними дружить!

— Какие подружки? — насторожилась мама.

— Да те вредные, про которых мне бабушка рассказывала...

Мама, улыбнувшись, головой покачала.

— Ох уж мне эта сказочница! Говорила ведь ей...

— Мамочка! — взмолилась Сима, обхватив ладонями мамино лицо. — Ты только бабулю не ругай. Ладно? Я ведь сама прошу её сказки рассказывать.

— Да уж ладно, — вздохнула мама. — А подружек-то этих вредных как хоть зовут?

— Вруша, Болтуша, Жадина... — принялась перечислять Сима, но мама прервала.

— Понятно! Я эту сказку с детства помню...

— Как это?! — не поняла Сима.

Но мама больше ничего объяснять не стала.

— Знаю, что нужно делать! Ведь подружки эти — мысли твои. Ты их прочь гони. Причём самым решительным образом.

— А к-ка-а-к?! — от волнения Сима даже заикаться стала.

— Очень просто! — заговорщицки улыбнулась мама. — Делай всё наоборот тому, что они тебе советуют. Ну, например, жаль тебе семечек, а ты эту мысль от себя гони, вместе с подружкой Жадиной, которая к тебе приблизиться хочет. Да ещё приговаривай при этом: «Мне не жалко! Я не жадина!»

Задумалась Сима, даже брови домиком сделались. Если разобраться, то ведь мама права. Когда Сима Ленке своё фруктовое желе отдала, Жадина отстала. И когда лягушонок из-под скамейки выскочил, она ведь вслед за Трусихой не побежала. Значит, всё-таки можно от них избавиться.

В ту ночь Сима долго не могла уснуть: мысленно готовилась к бою с этими вредными подружками.

Утром опять так не хотелось вставать. Мама будит, а Сима глаза открыть не может, будто веки клеем намазаны. И одеваться лень. Долго Сима сидела на постели с носком в руке, уже и Лентяйка голову в дверь её спальни просунула. Зевнув во весь рот, завела она свою нудную песню: «Ой, как вставать неохота! Ой, как одеваться лень!»

Симу будто ледяной водой окатили. Вспомнив мамин совет, хлопнула в ладоши.

— Пошла прочь! Мне не лень!

Лентяйку как ветром сдуло.

Только Сима к столу села — Упрямка из-за папиной спины ей рожи корчить принялась.

Мама говорит:

— Кушай кашу геркулесовую, — и смотрит с такой лукавой улыбкой.

Раньше бы Сима заныла: «Не хочу я этой каши!» А сейчас, глядя в Упрямкины наглые глаза, решительно произнесла:

— Спасибо, мамочка! У тебя очень вкусная каша получается.

У папы от удивления брови на лоб полезли. А мама и виду не подала, молчала — их с Симой секрет не выдала.

А вечером вот какой случай произошёл. Соседка тётя Поля, встретив их с мамой во дворе, стала про садик расспрашивать. Интересно ли Сима там? Много ли друзей в группе?

— Много! — не раздумывая, заверила Сима. — Все со мной дружить хотят!

Не успела договорить, как Вруша из-за дерева выскочила и давай нахваливать:

— Молодец, Симка! Ври больше! Что она нос суёт не в своё дело!

Из Симиной груди вырвался тяжёлый вздох: опять прокололась! И побежала она с тёти Полининым Тузиком играть. Тот ни о чём расспрашивать не станет. Пёс на Врушу зарычал. Та за скамейкой спряталась, а потом больше никогда на глаза не попадалась. Зато другие подружки повсюду Симу караулили.

Зашли они как-то с мамой в «Детский мир» дочке кроссовки купить. Пока мама в обувном отделе выбирала, Сима такой красивый спортивный костюм увидела. Как у Соньки из её группы! Точь-в-точь! По привычке принялась Сима канючить:

— Mam, купи, а?! У Соньки такой уже есть! А у меня нет. Костюм, как у Соньки, хочу!

А мама молча какие-то знаки Сима делает. Обернулась та и увидела крадущуюся за ними За-

видку. Ах вот оно что! Быстро Сима сообразила, что нужно сделать. Тряхнула головой.

— Хотя, знаешь, мам, зачем мне этот костюм? Будут все нас с Сонькой путать. К тому же мой костюм ничуть не хуже.

Услышав это, Завидка остолбенела, за манекены спряталась.

— Молодец! — погладила её по спине мама. — Какие ещё противные подружки на примете остались?

Призадумалась Сима.

— Трусиха ещё есть... Правда, давно её не видела... — почему-то шёпотом произнесла она.

— И с этой раздурим, — так же шёпотом, но уверенно пообещала мама. И слово своё сдержала.

Через несколько дней у Симы разболелся зуб. Наверное, много конфет съела. Мама с работы отпросилась, повела дочку к зубному врачу. Как только подошли к поликлинике, у Симы истерика началась. Вспомнила, как год назад ей этот зуб бормашиной сверлили.

Мама за одну руку Симу держит, а Трусиха — за другую. Мама дочку в поликлинику тащит, а Трусиха — обратно к остановке. От страха у Трусихи глаза такими сделались, как у совы, которую ребятам в музее природы тётенька экскурсовод показывала. Трусиха головой трясёт: мол, ни за что, Сима, не соглашайся к врачу идти. А мама укоризненно головой качает: мол, что, струсила?

Сима сразу взяла себя в руки, топнула на Трусиху ногой: «Пошла прочь!» Только Трусиху и видели! А у неё, Симы, вдруг зуб перестал болеть. И так пальцем она его потрогает, и этак пошатает. Не болит. Чудеса!

— Правда, не болит? — стала допытываться мама. — Не обманываешь меня?

У Симы сразу губы надулись. Обидно ей стало. Не верит мама, что ли? Ведь не дружит она больше с Врушей.

В пятницу утром, после завтрака, тихонько, чтобы папа не услышал, Сима спросила у мамы:

— Mam, а от Жадины как избавиться?

Мама думала недолго, будто ждала этого вопроса.

— Самый надёжный способ — отнести в детский сад любимую игрушку.

Сима перевела взгляд на свой кукольный уголок. Плюшевый мишка так доверчиво смотрел на неё пуговками глаз, что в горле у Симы застрял комок. Жалко с другом расставаться. Сколько лет с ним в обнимку спала.

Мама словно мысли её прочитала:

— Тебе ведь в школу скоро, а ты всё с игрушечным мишкой спишь. Ребята узнают — засмеют.

А за спиной у мамы Жадина по своим пунцовым щекам в ладошки хлопает, толстый живот под коричневым платьем трясётся, в глазах — ужас. Смотреть на неё смешно!

Взяла Сима игрушку в руки.

— Правда, мам! Пусть с моим мишкой другие ребята поиграют. Что, мне жалко, что ли?! Я же не жадная.

Жадина так и обмерла, быстро растаяла, как привидение в фильмах ужасов.

В детский сад Сима шла в приподнятом настроении. Но не потому, что день был коротким и предпраздничным. Сегодня ребята наконец увидят, что Сима вовсе не жадная.

Но ребята её появлению почему-то совсем не обрадовались. Взглянули как на пустое место. И даже на Симиного плюшевого мишку с красным бантом на шее не отреагировали, хоть посадила его на подоконник, на самое видное место. Так и просидел он там до конца дня. Никто к нему не подошёл, в руки не взял.

И вредные подружки бойкот устроили. Кожей Сима чувствовала, что изо всех углов на неё тарашатся, приглашения ждут. Только отступить она не собиралась: фиг вам!

Дома Сима не сдержалась, снова расплакалась. Мама встревожилась не на шутку. Это было видно по её испуганным глазам.

— Ну, что ты? Что с тобой, девочка моя?! Ты ведь умненькая и добрая!

Мама хотела ещё что-то сказать, но Сима перебила:

— Да?! Если я такая хорошая, как ты говоришь, так почему со мной ребята не хотят дружить?! Ни девчонки, ни мальчишки. И на мишку моего всем было наплевать! Никому он был не нужен! А ты говорила!..

— Подожди, подожди, — вытерла ей слёзы мама. — Ты воспитательнице и ребятам сказа-

ла, что мишку даришь? — Сима покачала головой. — Ну вот! Так откуда ж им знать? Тебе нужно показать, что с подружками вредными ты больше дружбу не водишь.

— А как мне это сделать?

На лбу у мамы собрались морщинки. Ну зачем она лоб морщит? Сама ведь Симу отучала от этой дурной привычки, к зеркалу не раз дочку подводила: «Полнобуйся на себя, старушку!» А теперь — туда же!.. Наконец лоб у мамы разгладился.

— Во-первых, — лукаво прищурилась она, — завтра в детский сад тебе идти не надо. Праздники! Целых четыре дня! Утром мы едем к бабушке в деревню. А сразу после праздников у тебя день рождения. — Тут мама понизила голос до шёпота, будто хотела поведать Симе какую-то важную тайну. — В день рождения лучше не ждать ни от кого подарков, а самой дарить их хорошим людям. Я уже купила тебе разных сладостей, угостишь всех ребят и воспитательницу. И ещё... ты ведь взрослая уже, тебе исполнится семь лет. Собери те свои игрушки, с которыми мало играешь, в большой красивый пакет и отнеси их в группу. Пусть ребята порадуются. И не забудь Антонине Петровне сказать, что игрушки — детскому саду в подарок.

Сима перевела печальный взгляд на свои игрушки. Их было много: и тряпочные куклы, и пластмассовые, кубики, железная дорога, дудочки и даже заводные машинки. Они-то ей зачем? Ведь не мальчишка же!

Жадина не заставила себя ждать. Глаза вытаращила, за голову схватилась, одними губами шепчет: «Не сходи с ума, Сима! Сколько добра — и всё кому-то отдать?!»

Но Сима, повернувшись к ней спиной, уже складывала в пакет игрушки. Оставила себе только куклу Ньюшу. Это бабушкин подарок. Бабуля учила её этой кукле платья шить.

В тот вечер Сима долго не могла уснуть. Представляла свой день рождения: как воспитательница ей улыбнётся, как ребята игрушкам обрадуются...

Ночью Симе приснился странный сон. Будто плывут они с мамой в лодке по широкой реке, на берегу стоят её вредные подружки, улыбаются и машут им руками. Сима от них отворачивается, а мама ей шепчет: «Попрошайся с ними, доченька. Ведь подружки эти всё-таки своё доброе дело сделали. Догадываешься, какое? И сказка, в которой они живут, будет теперь другим детям помогать...»

А вы, ребята, как думаете?

Иллюстрации Лидии Зенковой

Надежда Борисовна ВАСИЛЬЕВА —

автор более двадцати книг повестей и рассказов, адресованных как взрослым читателям, так и детям, подросткам, юношеству.

Повести и рассказы печатались во многих российских и зарубежных журналах и антологиях.

Лауреат республиканских, всероссийских и международных литературных премий.

Повести «Гагара» (2014) и «Про Дуньку, которую знали все» (2018) вошли в финал международного конкурса им. С. Михалкова и опубликованы в издательстве «Детская литература».

Книги автора переиздаются дополнительными тиражами, многие произведения рекомендованы для внеклассного чтения в школах.

Председатель Карельского регионального представительства Союза российских писателей.

В настоящее время проживает в Петрозаводске.

